

За три дня до начала представления Хань Хэн в сопровождении охраны арендовал все вторые этажи лавок и чайных вдоль побережья. Озеро Омовения Бессмертных раскинулось неподалеку от Храма Сянгю — места, куда императорская родня и знатные вельможи частенько навещали молить о благословении. Обычных заведений, где можно было бы сытно поесть или переночевать, в этих краях почти не водилось, зато на каждом шагу торговали курильницами, свечами да резными статуэтками божеств.

Выбирая дату вместе с Му Жанем, Хань Хэн нарочно подгадал время так, чтобы оно не совпало с днями самых пышных храмовых служб. Благодаря этому аренда обошлась в куда более скромную сумму.

И все же для Хань Хэна эта затея стала серьезным испытанием: расходы в общей сложности составили почти пять тысяч ланов серебра. Сюэ Юнь всякий раз, когда сын приходил засвидетельствовать ей почтение, глядела на него с явным сомнением, готовая вот-вот вмешаться, но в конце концов решила довериться его чутью.

С тех пор как Хань Хэн поймал соглядатая у окон своей спальни, чужак больше не объявлялся. Правда, его не покидало ощущение, что за ним следят — стоило выйти на улицу, как спину начинал покалывать чужой липкий взгляд. Возможно, он просто стал излишне подозрительным.

Но сейчас все эти тревоги блекли перед событием государственного масштаба: Башня Слушания Лебедей готовилась дать первое представление после более чем десятилетнего молчания.

Одной только вывески Башни Слушания Лебедей и подписи Му Жаня было мало для столь громкого дела. Хань Хэн коснулся пальцами алого оттиска личной печати Нин-вана на пригласительной карточке, усмехнулся и покосился на стоявшего рядом Дин Му.

Тот стоял, чинно спрятав руки в широкие рукава, и безучастно созерцал возводимые посреди озерной глади подмости, вокруг которых покачивались удерживаемые прочными канатами бамбуковые плоты.

«Значит, Нин-ван и есть та самая фигура, что стоит за Башней Слушания Лебедей?»

Чжуан Лин уже намекал ему на это, а теперь догадка подтвердилась делом.

— Не твоего ума дело, — высокомерно бросил Дин Му, окинув его презрительным взглядом из-под полуприкрытых век.

Его спесь вполне можно было понять. Даже Чжуан Лин, признанная гроза столицы Бэйшо, вынужден был уступать Нин-вану. Если за Башней Слушания Лебедей действительно высилась фигура этого вельможи, Дин Му имел полное право щеголять чужим величием.

Хань Хэн лишь покачал головой. Вдалеке он заметил серебристо-белый силуэт — Му Жань, опираясь на руку служанки, медленно оглядывался вокруг. Осень еще не вступила в свои права, но юноша по-прежнему кутался в дорогие меха. Пушистый, лоснящийся ворс подчеркивал его болезненную, хрупкую бледность и светлые, точно припорошенные инеем ресницы. Было во всем его облике нечто пугающее и одновременно завораживающее.

Солнце еще не успело покатиться к закату. В золотистых лучах, упавших на лицо Му Жаня, его глаза на миг странно вспыхнули алым.

У Хань Хэна екнуло сердце, но разглядеть подробнее он не успел: Му Жань уже увлек Дин Му в тень навеса, тихо сокрушаясь:

— Зачем ты сюда ушел? Я обыскался. Солнце так печет, неужели трудно спрятаться в тени?

Оба прошли мимо, точно и не заметив Хань Хэна. Лишь отойдя на приличное расстояние, Му Жань обернулся и одарил его на редкость обольстительной улыбкой. Хань Хэн вздрогнул, мгновенно стряхивая с себя оцепенение.

Стоило Му Жаню показаться на глаза, как Хань Хэн против воли застыл, не в силах отвести от него взгляд. Похоже, этот парень владел не только чтением мыслей, но и какими-то гипнотическими чарами. Хань Хэн изо всех сил мотнул головой: последние несколько секунд стерлись из памяти, оставив лишь глухую пустоту.

Внизу кипела работа. Хань Хэн лично следил за обустройством зрительских мест на берегу. Еще три дня назад он велел возвести деревянные трибуны там, откуда открывался самый живописный вид на воду. И пускай сами помосты оставались простыми, расставленная на них мебель, посуда и карликовые деревья в горшках поражали роскошью. Простые с виду кресла были вырезаны из драгоценного дерева наньму, тяжелые портьеры скреплялись нитями из чистейшего горного хрусталя, а изящные чаши и блюда доставили прямиком из закровов Башни Слушания Лебедей. Под залог этой утвари Хань Хэн отдал Му Жаню старинные диковины общей стоимостью больше тысячи ланов. Бог весть, то ли слуги Чжуан Линя допустили оплошность, то ли сам Юный принц Чжуан отличался невиданной щедростью, но полтора десятка сундуков с антиквариатом, пылившихся на складе усадьбы, очень выручили Хань Хэна.

За последние дни Чжуан Лин ни разу не переступил порог усадьбы, однако подарки и припасы от него шли нескончаемым потоком — пожалуй, их присылали даже больше, чем когда он заявлялся лично.

Хань Хэн замер перед изысканным пейзажем в горшке «Чудесная гора из желтого нефрита», который переливался в лучах солнца. Возле него полукругом расположились три низких столика для вина, предназначенные для самых именитых гостей сегодняшнего вечера.

Отсюда озерная гладь просматривалась как на ладони — ни одна деталь грядущего представления не ускользнула бы от взора высокопоставленных зрителей.

Хань Хэн глубоко вдохнул влажный воздух. Над Озером Омовения Бессмертных поднималась легкая дымка. В преддверии вечерней прохлады озерный бриз казался на редкость освежающим — для душной макушки лета ночь обещала быть на удивление приятной. Зрительские ложи отделялись друг от друга пышными зелеными кустами и кашпо с особыми травами, отгоняющими гнус. При каждом порыве ветра листва негромко шелестела, обвеивая гостей свежим ароматом и радуя глаз сочной зеленью.

Из толпы рабочих вынырнул Цзячу и быстро направился к нему. Поймав его многозначительный взгляд, Хань Хэн без лишних слов сошел с помоста.

Цзячу увлек его в пустующую лавку неподалеку. Внутри до сих пор висел тяжелый, удушливый запах благовоний. Хань Хэн громко чихнул и поспешно зажал нос ладонью.

Опустившись на корточки, Цзячу развязал принесенный с собой холщовый мешок.

В полумраке заброшенной лавки внезапно разлилось холодное, призрачное сияние — на земляном полу высились три туго набитых, сырых мешка, доверху заполненных лунной травой.

— Зови гримеров, — распорядился Хань Хэн, присаживаясь рядом.

Он осторожно коснулся стеблей. Водоросли были влажными и скользкими, однако сборщики отнеслись к делу бережно, не повредив длинные, тонкие нити побегов.

Хань Хэн разделил лунную траву между подошедшими мастерами, велел украсить сияющими стеблями костюмы танцовщиц из массовой.

Раздав последние указания, он вышел на крыльцо и окинул взглядом берег. Вокруг пестрела суетливая толпа артистов, по большей части — девицы из кордебалета в одинаковых нарядах. Хань Хэн долго вглядывался в лица, высматривая нужного человека, и с каждой минутой его беспокойство росло.

Солнце неумолимо клонилось к закату, и Хань Хэну пришлось оставить поиски, чтобы наведаться во временные шатры-гримерные, где готовились трое главных солистов.

Еще с порога он приметил Хань Фэна, вертевшегося перед ростовым зеркалом. В зеркальной глади отражался его тонкий, изящный силуэт в летящем пурпурном платье с узором из облаков. На ногах красовались мягкие кожаные туфли, расшитые жемчугом, чьи загнутые кверху мыски венчали крупные ночные жемчужины размером с большой палец. Однако внимание Хань Хэна привлекла брошенная на его плечи накидка из тончайшего светло-голубого светящегося газа.

— Хань Фэн.

Тот мгновенно стер с лица самодовольное выражение, скромно сложил ладони на животе и устоял на носки собственных туфель. Вид у него сделался настолько робким и затравленным, что даже Хань Хэн, привыкший менять маски как перчатки, в душе подивился такому актерскому мастерству.

— Старший брат.

— Что это на тебе за... — Хань Хэн запнулся, подыскивая слово. — Накидка? Шаль? Шлейф?

Хань Фэн кокетливо захлопал ресницами и осторожно приподнял кончик тончайшей ткани.

— Это прислал Юный принц Чжуан. У всех троих солистов теперь такие есть.

Проследив за его взглядом, Хань Хэн убедился, что две другие танцовщицы действительно набрасывали на плечи точно такие же накидки. Вот только нежно-голубой цвет поверх их ярких нарядов смотрелся довольно нелепо.

— Это светящийся газ, — пояснил Хань Фэн, бережно поглаживая скользкую струящуюся ткань, точно редкая птица, расправляющая перышки. — Как только стемнеет, накидка начнет испускать мягкое лазоревое свечение. При дневном свете этого не видно.

— Светящийся газ?

— Да. В год такой ткани ткут от силы пять рулонов, это императорская награда за боевые заслуги Маленького принца, — Хань Фэн украдкой мазнул взглядом по лицу брата. Сердце его учащенно забилося, а в его глазах промелькнула мимолетная тень злорадства. — Вчера вечером его светлость лично заглядывал посмотреть, как продвигаются мои репетиции. Я обмолвился, что у массовой будет лунная трава, а он взял и прислал это. Кто же знал, что Маленький принц проявит такую щедрость? Он одарил не только нас, но и обоих учителей танцев.

Хань Хэн иронично выгнул бровь и процедил сквозь зубы:

— И что же, сегодня он придет полюбоваться твоим триумфом?

— У его светлости полно государственных забот, так что трудно сказать наверняка.

— Не "трудно сказать", а ты попросту понятия не имеешь, верно?

Хань Фэн растерянно втянул голову в плечи, а кончики его ушей предательски покраснели.

— Вчера твой драгоценный князь остался ночевать в императорском дворце. Каким образом он мог наблюдать за твоими репетициями? Или его хваленое зрение воина развилось настолько, что он способен разглядеть твою усадьбу прямо из покоев Его Величества? — Хань Хэн и сам порядком раздражался из-за того, что Чжуан Лин, обычно липнувший к нему как банный лист, не появлялся несколько дней. Но это не означало, что он позволит какому-то юнцу водить себя за нос.

Плечи Хань Фэна вздрогнули, он испуганно вскинул голову, пытаясь оправдаться.

Однако Хань Хэн лишь предупреждающе сощурился:

— Мне нет никакого дела до твоих шашней с Маленьким принцем, так что избавь меня от этих дешевых намеков. — Он плавно наклонился вперед, заставив Хань Фэна отпрянуть. Его лицо оказалось в опасной близости от нежной, девичьей кожи брата. — Сегодня на трибунах соберется вся столичная знать. Я доверил тебе ведущую роль, и если ты хоть в чем-то допустишь оплошность... — Он выдержал зловещую паузу. — Твоя судьба решится в один миг: либо ты взлетишь до небес, либо рухнешь на самое дно бездны. Помни об этом и хорошенько старайся.

Напряжение мгновенно растаяло, стоило Хань Хэну отпрянуть и беззаботно улыбнуться.

Не будь на его лице искусно сработанной маски, мешавшей тонкой мимике, окружающие поразились бы тому, с какой легкостью этот человек меняет личины — он поистине умел перевоплощаться в мгновение ока.

Обернувшись к слугам, Хань Хэн холодно приказал нести румяна и белила. Его манера накладывать грим разительно отличалась от традиционной, однако действовал он на удивление ловко и скоро — заносил тонкую кисть над чужим лицом с такой решимостью, словно держал в руке хирургический нож.

В дверном проеме бесшумно выросла высокая фигура. Из-за ширмы, у вешалок со сценическими костюмами, незнакомцу открывался отличный обзор на Хань Хэна, колдовавшего над лицом актера.

— Хозяин, — едва слышно шепнул Ивэй.

Взор Чжуан Линя намертво прикипел к юноше, который сейчас забавно расставил ноги в глубоком полуприседе, увлеченно размахивая руками над лицом брата. Юный принц Чжуан невольно засмотрелся на его бедра. Стройные, на первый взгляд даже худощавые, они таили в себе удивительную силу — Чжуан Лин слишком хорошо помнил, с какой неистовой страстью эти ноги смыкались на его собственной талии.

В глазах Чжуан Линя отразилась целая буря невысказанных чувств, он судорожно сглотнул. Слов верного слуги он попросту не услышал.

Ивэй забеспокоился и легонько потянул господина за рукав:

— Хозяин, Нин-ван уже прибыл. Не пора ли засвидетельствовать почтение?

— Позже. Не к спеху.

Ивэй обреченно вздохнул, глядя на заворуженное лицо господина. Глядя на него сейчас, никто бы не признал в этом влюбленном безумце грозного и холодного как лед Князя Жуя.

Хань Хэн, интуитивно почуяв неладное, отложил кисть и резко обернулся к выходу, однако в дверях уже никого не было.

— Хозяин, что дальше берем? — весело поинтересовался Би Гэнь, перебирая диковинные инструменты на резном лаковом подносе. О существовании большинства этих вещей он прежде и не догадывался, лишь теперь замечая, что одни баночки служат для подведения бровей, другие — для губ, а третьи наносятся на скулы. Парень не вникал в тонкости, но заворуженно наблюдал, как из-под пальцев господина бледный, заурядный Хань Фэн превращается в писаную красавицу, чей лик так и пылал румянцем.

— На этом все. Сюй-нян, уведи его уложить волосы. — Но не успела женщина сделать и шага, как Хань Хэн вдруг приказал: — Погоди. — Он замер перед Хань Фэном, возвышаясь над ним грозной тенью. Тот испуганно сжался.

Хань Хэн окинул Хань Фэна оценивающим взглядом — так смотрят не на живого человека, а на дорогую, но требующую доработки вещь. Внезапно он крепко ухватил брата за запястье.

— Брат, ты чего?! — испуганно вскрикнул Хань Фэн.

Не отвечая, Хань Хэн с силой потянул за ткань. Раздался громкий треск разрываемого шелка: алый рукав танцевального наряда разошелся от самого плеча. Однако Хань Хэн не стал обрывать его до конца — вместо этого он изящно обмотал получившиеся красные ленты вокруг бледного предплечья брата и завязал их узлами. Теперь на фоне пламенеющего шелка его кожа казалась белой как первый снег.

Хань Хэн удовлетворенно прищелкнул языком:

— Прекрасно. Нефритовые украшения уберите, замените их золотом и нитями ночного жемчуга. Шевелитесь! Наряды остальных танцовщиц не трогать.

— Но брат... — попытался вставить слово Хань Фэн.

Ему безумно хотелось высказать свое недовольство: ведь именно он должен был затмить

сегодня всех присутствующих своей неземной красотой, а его заставляли выходить на сцену в рваном наряде!

— Не пререкайся, иди, — безапелляционно отрезал Хань Хэн.

Сюй-нян послушно увлекла недовольного юношу за собой, а Хань Хэн уже вовсю колдовал над лицом другой солистки, ловко и быстро распределяя основу под грим по ее нежным щекам.

К тому времени как Хань Хэн покинул шатер, на озеро опустилась глухая ночь. Почти все места на трибунах были заняты, пустовали лишь те самые три столика на почетном помосте возле «Чудесной горы из желтого нефрита».

Он принялся высматривать в толпе Му Жаня, но тот тоже до сих пор не объявился. С противоположного берега озера доносились приглушенные звуки флейт и лютен — мелодия то ускорялась, то затихала, точно легкая туманная дымка, окутывая застывших в ожидании зрителей.

Озерную гладь подернуло призрачной белесой дымкой. Пейзаж казался нереальным, словно сошедшим с древнего свитка о жизни бессмертных.

Прихватив с собой пару флажков — красный и белый, Хань Хэн спустился к уединенному бамбуковому навесу у самой кромки воды. Со стороны лож это укрытие казалось неприметным, однако для тех, кто находился на озере, оно просматривалось отлично. Внутри навеса горели пять ярких масляных ламп. Здесь и было рабочее место Хань Хэна: на случай непредвиденных сбоев он разработал простую систему флажковой азбуки для координации артистов.

Впрочем, в глубине души он не сомневался в успехе: за плечами труппы было восемь полных репетиций. И если в первые разы уйма времени ушла на то, чтобы правильно выстроить бамбуковые плоты на воде, то последние прогоны прошли без сучка и задоринки.

Приятной неожиданностью стал лишь этот светящийся газ. Он позволял полностью подсветить верхнюю половину тела танцора — в движении сияние очерчивало даже изгибы рук. Тончайшая вуаль, сквозь которую в полумраке проступали очертания белоснежной кожи на фоне развевающегося алого шелка, смотрелась в сотни раз эффектнее, нежели одинокие тусклые огоньки ночных жемчужин.

Едва наступил час Сюй, как на воду бесшумно спустились первые бамбуковые плоты. На носу каждого покачивался расписной фонарь, освещая прелестных девушек в тонких розовых платьях, которые склонились над зеркальной гладью, словно поправляя прически перед зеркалом.

Стоило первой красавице затянуть нежную песню, как грандиозное сражение Башни Слушания Лебедей за возвращение былой славы объявили открытым.

Хань Хэн около получаса пристально следил за действием на воде, после чего уступил место Цзячу, а сам выбрался из душного навеса и направился к трибунам.

Зрители уже расселись по своим местам. Среди публики хватало и мужчин, и женщин; впрочем, благородные дамы по большей части прятались за бамбуковыми ширмами, и лишь самые смелые сидели открыто, укрывшись лишь под полями шляп-вэймо с вуалью.

Когда Хань Хэн перевел взгляд на почетный помост в самом центре, он тут же наткнулся на ответный взор. Несмотря на разделявшие их пару десятков метров, взгляд Чжуан Линя буквально обжигал — молодой князь даже не смотрел на сцену, пожирая глазами одного лишь Хань Хэна.

Сердце Хань Хэна дрогнуло, но тут же в груди вскипела глухая обида на Чжуан Линя за его многодневное отсутствие. Подчинившись внезапному порыву, Хань Хэн просунул правую руку под левый локоть и без малейших колебаний показал уставившемуся на него наглецу средний палец.

— Цишу, а что это за жест? — негромко поинтересовался сидевший по правую руку от Чжуан Линя круглолицый юноша лет пятнадцати-шестнадцати. Заметив движение на берегу, он подался вперед, стараясь говорить так, чтобы его не услышал императорский дядя.

Чжуан Лин неохотно отвел взгляд от берега, и на его обычно суровом лице скользнула мимолетная усмешка:

— Ваше Высочество, это один мой старый знакомый. Так он со мной здоровается.

Третий принц задумчиво потер гладкий подбородок, усваивая новые знания. Его так и подмывало опробовать диковинный жест на практике. Подавшись в сторону, он негромко позвал:

— Дядюшка!

На центральном почетном месте восседал статный, преисполненный величия мужчина лет тридцати с небольшим. Услышав зов, он ласково повернулся к племяннику.

Юноша расплылся в довольной улыбке и преспокойно уставил на Нин-вана средний палец, весело помахав им перед лицом ошеломленного родственника:

— Мое почтение!